

ЗАМЕТКИ О ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ* СНОВИДЕНИЙ**

З.ФРЕЙД

Случайное обстоятельство, а именно то, что последний выпуск моего «Толкования сновидений» (1900) вышел стереотипным изданием, заставило меня опубликовать эти заметки в независимой форме, вместо того чтобы ввести их в общий текст в качестве изменений или дополнений.

I

При интерпретации сновидений во время анализа наш выбор лежит между несколькими техническими процедурами.

Можно а) работать хронологически и просить сновидца давать свои ассоциации на элементы сновидения в том порядке, в каком эти элементы появляются в его рассказе о сновидении. Это первоначальный, классический метод, который я по-прежнему считаю лучшим при анализе сновидцем своих собственных снов.

Можно также б) начать интерпретативную работу с какого-то определенного элемента сновидения, выбранного из середины. Например, можно выбрать наиболее впечатляющий фрагмент или фрагмент, имеющий наибольшую ясность или сенсорную интенсивность; или можно начать со слов, сказанных в сновидении, в ожидании, что они приведут к вспоминанию слов, сказанных в бодрствующем состоянии.

Можно также в) начать с полного игнорирования явного¹ содержания и вместо этого спросить сновидца, какие события предшествующего дня ассоциируются у него со сновидением, которое он только что рассказал.

Наконец, можно, г) если сновидец уже знаком с техникой

---

* Классическим вариантом перевода является «толкование» сновидений, однако, поскольку в данной статье говорится о толковании материала сновидений на аналитических сеансах с определенными лечебными целями, то мы используем слово «интерпретация», что является устоявшимся переводом данного технического термина на русский язык. [Все прим. – перев.]

** Перевод выполнен по: *S.Freud. Remarks on the Theory and Practice of Dream Interpretation. // Standard Edition, v.19.*

¹ Или манифестного, в противоположность скрытому или латентному.

интерпретации, уклониться от дачи ему каких-либо инструкций и предоставить ему самому решать, с каких ассоциаций к этому сновидению он начнет.

Я не могу сказать, что какая-либо из этих техник предпочтительнее или дает обычно лучшие результаты.

II

Гораздо важнее следующий вопрос: проходит ли интерпретативная работа под давлением сильного или слабого сопротивления. Это тот вопрос, в ответе на который аналитик никогда особо не сомневается. Если давление велико, можно, по-видимому, добиться успеха в понимании того, с чем связано это сновидение, но невозможно узнать, что именно оно сообщает. Как если бы мы захотели прислушаться к разговору, который ведется вдалеке от нас или тихим голосом. В этом случае, когда можно быть уверенным, что нет особой перспективы сотрудничества со сновидцем, не стоит слишком беспокоиться и стараться помочь ему, лучше попробовать предложить ему несколько объяснений символики сновидения, которые выглядят правдоподобно.

Большинство сновидений в трудном анализе – это сновидения именно такого рода; мы не можем узнать из них ничего особенного о механизме снообразования. Еще меньше можно извлечь из них информации о том, где таится исполнение желаний². Когда давление сопротивления очень велико, мы встречаемся с расширением ассоциаций сновидца, а не с их углублением. Вместо желанных ассоциаций к только что рассказанному сновидению возникают бесконечные потоки новых фрагментов сновидения, которые, в свою очередь, также остаются без ассоциаций.

Только если сопротивление остается в умеренных пределах, становится возможной знакомая нам работа интерпретации: ассоциации сновидца начинают широко расходиться от явных элементов, так что затрагивается большое количество различных предметов и широкий круг идей, после которых вторая серия ассоциаций неожиданно сходится на искомых мыслях сновидения. В этом случае возможно сотрудничество между аналитиком и сновидцем, в то время как при большом давлении сопротивления оно не приносит результата.

Ряд сновидений, возникающих во время анализа, недоступны пониманию, даже если они не обнаруживают особых проявлений сопротивления. Они представляют собой свободное проявление скрытых мыслей сновидения и сравнимы с удачным литературным творчеством, которое художественно переработано и в котором еще заметны основные темы, хотя они подвергнуты аранжировке и трансформации. Сновидения такого рода служат в лечении введением к мыслям и воспоминаниям сновидца без рассмотрения их собственного содержания.

---

² Как известно, согласно Фрейду, все сновидения на самом глубоком уровне являются удовлетворениями желаний.

III

Можно провести различие между сновидениями сверху и сновидениями снизу, хотя это различие не является особенно резким. Сны снизу – те, которые спровоцированы силой бессознательного (вытесненного) желания, которое нашло способ быть представленным в одном из дневных остатков. Их можно рассматривать как входные ворота для вытесненного в бодрствующую жизнь. Сны сверху соответствуют мыслям и намерениям предшествующего дня, которые смогли в течение ночи найти поддержку со стороны вытесненного материала, исключенного из Эго. В этом случае анализ, как правило, игнорирует этого бессознательного союзника и направляет усилия на включение скрытых мыслей сновидения в комплекс бодрствующих мыслей. Это различие не требует никаких изменений в теории сновидений.

IV

В некоторых анализах, или в некоторые периоды анализа может существовать расхождение между жизнью сновидений и бодрствующей жизнью, подобно расхождению между деятельностью фантазии и дневной жизнью, которое можно обнаружить в «истории с продолжением» (романе в снах наяву). В этом случае одно сновидение вытекает из другого, избирая в качестве своего центрального пункта какой-то элемент, который был слегка затронут в предшествующем и т.д. Но гораздо чаще мы обнаруживаем, что сны не связаны один с другим, а являются вставками в последовательных сериях фрагментов бодрствующего мышления.

V

Интерпретация сновидений распадается на две фазы: фазу, на которой сновидение переводится, и фазу, на которой оно рассматривается, или оценивается его значимость. Во время первой фазы нельзя позволить себе оказаться под влиянием какого-либо соображения, относящегося ко второй фазе. Например, перед вами глава из какой-то книги на иностранном языке – скажем, Ливия. Первое, что вы хотите узнать, – что написал Ливий в этой главе; и только потом можно обсуждать, является ли сказанное историческим повествованием, легендой или отступлением автора от темы.

Какие выводы можно сделать из правильно переведенного сновидения? У меня возникает впечатление, что аналитическая практика не избегает ошибок и переоценок в этом пункте, частично из-за преувеличенного уважения к «таинственному бессознательному». Можно слишком легко позабыть, что сновидение, как правило, просто мысль, как и всякая другая, ставшая возможной из-за ослабления цензуры и усиления бессознательного, и искаженная цензурой и бессознательной переработкой.

Давайте возьмем в качестве примера так называемые сновидения о выздоровлении. Если пациенту снится сон такого рода, в котором ему

кажется, что он преодолевает ограничения своего невроза – если, например, он преодолевает какую-то фобию или отказывается от какой-то эмоциональной связи – то мы склонны думать, что он сделал большой шаг вперед, что он готов занять свое место в новых условиях жизни, что он готовится к своему выздоровлению и т.д. Часто это правда, но столь же часто такие сны о выздоровлении просто удобны: они означают желание в конце концов поправиться, но избежать новой аналитической работы, которая еще предстоит. Сновидения о выздоровлении, имеющие этот смысл, часто возникают, например, когда пациент подходит к новой, нежелательной для него фазе в переносе. Он ведет себя, как некоторые невротики, которые после нескольких часов анализа объявляют, что они излечились, потому что хотят избежать всего того неприятного, что всплывет при обсуждении в анализе. Страдающие военными неврозами точно так же отказываются от своих симптомов, потому что терапия, применяемая военными докторами, делает болезнь гораздо более неприятной, чем служба на фронте. Эти страдальцы следуют тому же самому экономическому закону, и в обоих случаях излечение является только временным.

VI

Не так уж легко прийти к общему выводу о ценности правильно переведенного сновидения. Если пациент переживает конфликт амбивалентности, то возникновение у него враждебных мыслей не подразумевает преодоления им своих добрых чувств, то есть разрешения конфликта: нельзя сделать подобного вывода и из сновидения со сходным враждебным содержанием. Во время конфликта амбивалентности часто во время одной ночи бывают два сновидения, каждое из которых выражает противоположное отношение. В этом случае прогресс может заключаться в том, что удалось полностью изолировать два контрастных импульса, и каждый из них с помощью бессознательной интенсификации можно исследовать и понять до конца. А если иногда случается, что один из двух амбивалентных снов был забыт, не следует заблуждаться, что принято решение в пользу одной из сторон. Тот факт, что одно из сновидений было забыто, показывает, и это правда, что в данный момент одна из тенденций преобладает, но это справедливо только для одного дня и может измениться. Следующая ночь может выразить противоположное отношение. Истинное состояние конфликта может быть определено только при учете всех других признаков, в том числе относящихся к дневной жизни.

VII

Вопрос о том значении, которое мы должны придавать сновидениям, тесно связан с вопросом об их подверженности влиянию «внушения» со стороны врача. Аналитики могут быть вначале встревожены упоминанием такой возможности. Но при дальнейшем размышлении эта тревога уступит место осознанию того, что влияние на сновидения пациента – это

не большая ошибка аналитика и не большой позор для него, чем влияние на сознательные мысли пациента.

Тот факт, что явное содержание сновидений находится под влиянием аналитического лечения, не нуждается в доказательствах. Он исходит из нашего знания о том, что сны зависят от бодрствующей жизни и перерабатывают исходящий из нее материал. Происходящее во время аналитического лечения является, без сомнения, одним из впечатлений бодрствующего состояния и скоро становится одним из самых сильных впечатлений. Так что неудивительно, что пациентам должно сниться то, что аналитик обсуждал с ними, и то, ожидание чего он у них пробудил. По крайней мере, это не более удивительно, чем то, что известно нам о фактах «экспериментальных» сновидений.

Далее наш интерес обращается к тому, могут ли скрытые мысли сновидения, к которым мы приходим посредством интерпретаций, также быть объектом влияния или внушения со стороны аналитика. И ответ снова должен быть утвердительным: да, конечно, могут. Так как часть этих скрытых мыслей сновидения соответствует полностью доступному для осознания предсознательному мыслеобразованию, которым сновидец мог реагировать на высказывания врача и в бодрствующем состоянии независимо от того, были ли эти реакции пациента выражением согласия или противоречили этим высказываниям. На самом деле, если мы заменим сновидение мыслями сновидения, которые оно содержит, то вопрос о том, насколько мы можем внушать сновидения, совпадет с более общим вопросом, в какой степени пациент в анализе доступен внушению.

В то же время на сам механизм образования сновидений, на работу сновидения в строгом значении этого слова никто никогда не оказывает никакого влияния: в этом мы можем быть полностью уверены.

Кроме той части сновидения, которую мы уже обсудили, – предсознательных мыслей сновидения – каждое настоящее сновидение содержит указание на вытесненные желания, которым оно обязано возможностью своего возникновения. Скептик может ответить, что они появляются в сновидении, потому что сновидец знает, что он должен породить их – что аналитик ожидает этого. Сам аналитик по праву думает иначе.

Если сновидение привносит ситуации, которые можно интерпретировать как обращение к сценам из прошлого сновидца, кажется особенно важным спросить, способно ли влияние врача сыграть свою роль в этих элементах как таковых. И это вопрос наиболее насущный из всех в случае так называемых «подтверждающих» сновидений, – сновидений, которые идут вслед за анализом. В работе с некоторыми пациентами это единственные сновидения, которыми мы располагаем. Такие пациенты воспроизводят забытые переживания своего детства, только когда вы сконструировали их на основе их симптомов, ассоциаций и других знаков и представили им эти конструкции. Затем следуют подтверждающие сновидения, по поводу которых, однако, возникает сомнение, не лишены

ли они ценности свидетельства, поскольку могут быть выдуманы в соответствии со словами врача, вместо того чтобы появиться на свет из собственного бессознательного сновидца. Этого неоднозначного положения в анализе нельзя избежать, поскольку в работе с этими пациентами вы не получите доступа к тому, что ими вытеснено, до тех пор, пока не проинтерпретируете, не сконструируете и не представите им этого.

Ситуация приобретает благоприятный поворот, если анализ подтверждающего, идущего вслед сновидения такого рода немедленно сопровождается чувствами вспоминания того, что было впоследствии забыто. Но даже тогда скептик может настаивать на утверждении, что вспоминания иллюзорны. Более того, такие чувства в большинстве случаев отсутствуют. Вытесненный материал выпускается наружу капля за каплей; и любая незавершенность подавляет или откладывает формирование ощущения убежденности. Более того, то, с чем мы имеем дело, может быть не воспроизведением реального, но забытого события, а проявлением бессознательной фантазии, от которой никогда и не ожидалось, что она будет ощущаться как воспоминание, хотя иногда от нее могло и сохраниться чувство субъективной убежденности.

Итак, возможно ли, что подтверждающие сновидения – это действительно результат внушения, что они сняты для того, чтобы угодить? Пациенты, которым сняты только подтверждающие сновидения, – это те самые пациенты, у которых сомнение играет главную роль в сопротивлении. Можно не пытаться разрешить эти сомнения с помощью своего авторитета и аргументов. Они будут оставаться до тех пор, пока не придут к своему концу в процессе психоанализа. Аналитик может и сам сохранять сомнения того же рода в некоторых особых случаях. Что в конце концов придает ему уверенность, так это сложность стоящей перед ним задачи, подобной собиранию картинка-головоломки. Цветная картина, нарисованная на тонкой деревянной доске и точно входящая в деревянную рамку, разрезана на много кусков неправильной, изломанной формы. Если вы достигаете успеха в собирании этих фрагментов, каждый из которых несет на себе непонятный кусок рисунка, то картинка приобретает смысл, так что нет пробелов в рисунке, и целое входит в рамку. Если все эти условия выполнены, то вы понимаете, что вы решили головоломку, и что другого решения нет.

Аналогия такого рода может, конечно, не иметь значения для пациента, до тех пор пока работа анализа еще не закончена. Здесь я вспоминаю дискуссию, которую я вел с одним пациентом, чье исключительно амбивалентное состояние выражалось в сильнейших компульсивных сомнениях. Он не спорил с моими интерпретациями его сновидений и был очень поражен их совпадением с гипотезами, которые я выдвигал. Но он спрашивал, не могут ли эти подтверждающие сновидения являться проявлением его подчинения мне. Я указывал ему, что сны несут в себе множество деталей, о которых я не подозревал, и что его поведение во время лечения никак не может быть охарактеризовано как подчинение.

После этого он переключился на другую теорию и спросил, не вызвало ли эти сновидения его нарциссическое желание быть излеченным, поскольку я наметил перед ним перспективу выздоровления, если он сможет принять мои конструкции. Я мог только ответить, что я никогда не встречался с такими механизмами сновидения. Но решение пришло другим путем. Он вспомнил некоторые сновидения, которые были у него до начала анализа, когда, разумеется, он ничего не знал об этом; и анализ этих сновидений, которые были свободны от подозрений во внушенности, привел к тем же интерпретациям, что и анализ последующих. Правда, его навязчивые возражения нашли себе выход в идее, что эти ранние сновидения менее ясны, чем те, которые появились во время лечения; но я был удовлетворен их сходством. Я думаю, что, в общем, это хорошая мысль – помнить иногда о том, что люди имели привычку видеть сны и до изобретения психоанализа.

VIII

Очень может быть, что сновидениям во время психоанализа удастся вынести на свет больший объем вытесненного, чем сновидениям в другой ситуации. Но это невозможно доказать, поскольку эти две ситуации нельзя сравнить; применение сновидений в психоанализе очень отличается от их первоначальной цели. С другой стороны, нет сомнений, что в анализе гораздо больше вытесненного выходит на свет в связи со сновидениями, чем любым другим способом. Отвечает за это, вероятно, некий властный мотив, бессознательная сила, которая более способна предоставить помощь в достижении целей анализа в состоянии сна, нежели в другое время. Вопросом является, стоит ли за этим иной фактор, кроме подчинения пациента аналитику, которое исходит из его родительского комплекса, – иными словами, позитивная часть того, что мы называем переносом; и действительно, во многих сновидениях, которые вспоминают то, что было забыто и вытеснено, невозможно открыть никакого иного бессознательного желания, которому можно было бы приписать мотивационное усилие по образованию сновидения. Так что если кто-то хочет доказать, что большинство сновидений, которыми можно пользоваться в анализе, – это сновидения подчинения, и они обязаны своим происхождением внушению, нам нечего сказать против этого мнения с точки зрения аналитической теории. Я хотел бы только добавить ссылку на то, что я сказал в моих «Лекциях по введению в психоанализ», где я говорил о соотношении между переносом и внушением и показал, как мало правдивость наших результатов зависит от признания действия внушения в нашем понимании этого слова.

В работе «По ту сторону принципа удовольствия» я рассматривал экономическую проблему, заключающуюся в том, как во всех смыслах неприятные переживания периода ранней инфантильной сексуальности могут успешно проложить себе дорогу к воспроизведению в любой форме. Я был вынужден приписать им чрезвычайно сильное стремление

наверх в форме «насильственной тенденции к повторению» – силы, способной преодолеть вытеснение, которое, находясь на службе принципа удовольствия, давит на них сверху вниз – хотя и не прежде, чем «работа лечения, действующая в обратном направлении, ослабит вытеснение». Здесь мы можем добавить, что та сила, которая оказывает поддержку насильственной тенденции к повторению, – это позитивный перенос. Таким образом, возникает союз между лечением и насильственной тенденцией к повторению, союз, который направлен против принципа удовольствия и чьей конечной целью является установление власти принципа реальности. Как я показал в абзаце, на который я ссылаюсь, очень часто случается так, что насильственная тенденция к повторению пренебрегает своими обязанностями в этом союзе и не занимается возвратом вытесненного просто в форме сновидных образов.

IX

Насколько я сейчас могу понять, сновидения, которые возникают при травматическом неврозе, – это единственные истинные исключения, а сновидения о наказании – это единственные явные исключения из правила, что сновидения направлены на удовлетворение желания. В случае последних мы встречаемся с замечательным фактом, что практически ничего из скрытых мыслей сновидения не берется в явное содержание сновидения. Вместо этого происходит нечто совсем другое, что можно описать как реактивное образование против мыслей сновидения, отвержение их и полное противоречие им. Такого рода наступление на сновидение может быть приписано только критической функции Эго, и следует поэтому заключить, что эта функция, спровоцированная бессознательным удовлетворением желания, временно восстанавливается даже во время состояния сна. Она, вероятно, реагирует на нежелательное содержание сновидения пробуждением; но она нашла средство, путем создания сновидения о наказании, избежать прерывания сна.

Например, в случае хорошо известных сновидений поэта Розеггера, которые я упоминал в «Толковании сновидений», мы должны подозревать существование подавленной версии с самонадеянным и хвастливым текстом, в то время как действительное сновидение говорит ему: «Ты бездарный портной-поденщик». Было бы, конечно, бесполезно искать вытесненный импульс, удовлетворяющий желание, который мог бы послужить мотивирующей силой для сновидения вроде этого; нам следует довольствоваться лишь удовлетворением желания самокритики.

Структура сновидения такого рода вызывает меньше удивления, если учитывать, как часто искажение сновидений, находясь на службе цензуры, заменяет определенные элементы чем-то противоположным. Отсюда только небольшой шаг к замене основной части содержания сновидения с помощью защитного отрицания, и еще один шаг приведет к полной замене вызывающего возражения содержания сновидения на сновидение о

наказании. Я хотел бы привести пару характерных примеров промежуточной фазы в фальсификации явного содержания.

Вот выдержка из сновидения девушки, у которой была сильная фиксация на ее отце, и которой было трудно говорить во время анализа. Она сидит в комнате с подругой и одета только в кимоно. Входит господин, и она чувствует себя смущенной. Но господин говорит: «Э, да это та девушка, которую мы однажды видели так мило одетой!» Господин похож на меня и на ее отца. Но мы ничего не можем сделать с этим сновидением, пока не догадываемся заменить наиболее важный элемент в речи господина на противоположный: «Это та девушка, которую я однажды видел раздетой, и тогда она была так мила!» Когда она была ребенком трех или четырех лет, она в течение некоторого времени спала в той же комнате, что и ее отец, и все говорило о том, что она обычно скидывала во сне одежду, чтобы выглядеть привлекательной для отца. Последующее вытеснение ею удовольствия от показывания себя было мотивом ее скрытности в лечении, ее нелюбви к самораскрытию.

А вот другая сцена из того же сновидения. Она читает собственную историю болезни, которую видит перед собой в напечатанном виде. В ней есть утверждение, что молодой человек убил свою возлюбленную – какао – что указывает на анальный эротизм. Эта последняя фраза была мыслью, возникшей у нее во сне при упоминании какао. Интерпретация этого фрагмента сновидения была даже более трудной, чем в предыдущем случае. В конце концов оказалось, что перед отходом ко сну она читала мою «Историю инфантильного невроза», центральным пунктом которой было реальное или воображаемое наблюдение пациентом за своими совокупляющимися родителями. Она уже однажды сравнивала эту историю болезни со своей собственной, и это было не единственным признаком, что ее случай, так же как и тот, вызывал предположение о наблюдении такого рода. Молодой человек, убивающий свою возлюбленную, ясно отсылал нас к садистическому взгляду на сцену совокупления. Но следующий элемент, какао, был очень далек от него. Ее единственной ассоциацией на какао было то, что ее мать говорила, что какао вызывает головную боль, и она помнит, что слышала то же самое от другой женщины. Более того, одно время она идентифицировала себя со своей матерью с помощью таких же, как у матери, головных болей. Тогда я сказал, что не вижу другой связи между двумя элементами сновидения, кроме предположения, что она хотела отвлечься от последствий наблюдения за коитусом. Нет, ответила она, коитус не имеет никакого отношения к появлению детей; дети появляются из того, что съедает человек (как в сказках); и упоминание об анальном эротизме, которое выглядит во сне как попытка интерпретации, дополняет инфантильную теорию, которую она призвала себе на помощь, добавив к ней анальное рождение.

X

Иногда выражают удивление тем фактом, что Эго сновидца может появляться два или более раз в явном содержании сновидения, один раз в виде его самого и еще раз – замаскированное фигурами других людей. В процессе создания сновидения вторичная переработка очевидно замечает и уничтожает эту множественность Эго, которая не сочетается ни с одной из возможных сценических ситуаций; но она восстанавливается работой интерпретации. Сама по себе эта множественность не более замечательна, чем множественное появление Эго в бодрствующем мышлении, особенно когда Эго разделяет себя на субъект и объект, противопоставляет одну часть себя в качестве наблюдающей и критикующей инстанции – другой, или сравнивает свое нынешнее состояние с прошлым, которым Эго было раньше; например, в таких предложениях, как «Когда я думаю, что я сделал для этого человека», или «Когда я думаю, что я когда-то тоже был ребенком». Я должен отвергнуть как бессмысленные и необоснованные спекуляции указания на то, что все фигуры, появляющиеся в сновидении, должны рассматриваться как фрагменты и репрезентации Эго сновидца. Для нас достаточно твердо стоять на том, что при интерпретации сновидений нужно принимать во внимание отделение Эго от наблюдающей и наказывающей инстанции (Эго-идеала).

Перевод А. Ф. Ускова